

Земляки Чехова в его произведениях // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1935. 1 июля. № 8188. С. 3.

ЗЕМЛЯ ЧЕХОВА В ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

В выпущенном азово-черноморским краевым издательством сборнике «А. П. Чехов и наш край» довольно тщательно представлены справочные и библиографические материалы о фактах и людях старого Таганрога, встреча с которыми не прошла безследно для Чехова. Интересные цитаты из этого сборника приводит «Литературная Газета».

Какая смесь имен и лиц... Вот навсегда и ладки отца Антона Павловича — грек Стамати. «Рекомендуя (отцу Чехова) непременно определить сына в греческую школу, он в ярких красках живописал перед ним все преимущества своей родины, в которой, по его словам, все есть». (Из воспоминаний Тана). Кто, читая эти строки, не вспомнит знаменитого Дымбу из «Свадьбы»?

Узнал себя в «Свадьбе» не только Стамати, но и многие другие таганрожцы — и все-таки обиделись. Писатель даже получил предостережение от брата: «Если дороги бока, советую не приезжать: Лабодины, Селивановы, сродники и чужаки — все сплошь обижены за «Свадьбу».

Директор таганрогской гимназии Рейтлингер, — педагог, для которого самым главным было исправное состояние формы у гимназистов. Не он ли явился прототипом директора из «Трех сестер» изрекающего: «Главное во всякой жизни — это ее форма. Что терпит свою форму, то кончается, и в нашей обыденной жизни то же самое». Или учитель той же таганрогской гимназии Диконев. Кто, читая воспоминания об этом человеке, не поймет, что именно он стоял перед глазами писателя, когда последний создавал своего бессмертного Беликова из «Человека в футляре», или Ипполита Ипполитовича из «Учителя словесности»?

Наблюдение над жизнью подручных мальчиков в лавке его отца навеяли Чехову рассказы «Спать хочется» и «Ванька». Детские впечатления писателя нашлись отражение и в следующих воспоминаниях Алексея Лантева, героя рассказа «Три года». «Я помню, отец начал учить меня, или попросту говорил, бить,

драл за уши, бил по голове, и я, просыпаясь, каждое утро думал прежде всего будут ли сегодня драть меня. Играть и шалить мне и Федору запрещалось. Мы должны были ходить к утренней и ранней обедне, целовать полам и мантихам руки, читать дома акафист».

Действующие лица рассказа «Отцы» — таганрогские обыватели 80-х годов и именно их безрадостный, скучный быт отражается в следующих словах героя: «У нас интеллигентным девушкам и женщинам некуда решительно деваться... Надо выходить замуж... За немением порядочных развитых людей и выходят Бог знает за кого, за разных маклеров, которые только и умеют, что пить да в клубе скаляничать».

В Таганроге встретил Чехов прототипа и других будущих своих героев — из «Моей жизни», «Печенег», «Холодной крови», «Хирургии», «Канители», «Лошадиной фамилии», «Баб», «Палаты № 6» и огромного ряда других произведений. Это была действительность, среда, которые подсказали Чехову его суровые слова в письме к Лейкину:

«Грязен, пусть, ленив, безграмотен и скучен Таганрог... Шестьдесят тысяч жителей занимаются только тем, что едят, спят, плодятся, а других интересов — никаких. Нет ни газет, ни книг».

— Что сказал бы, что почувствовал бы Алтон Павлович, если бы ему пришлось дожить до наших дней и снова побывать на своей родине? — интересуется автор статьи в «Литературной Газете» и высказывает уверенность, что «не узнал бы Алтон Павлович своего города, не узнал бы его людей». И тут же автор так характеризует таганрогцев: «Это новая человеческая порода, для которой весь смысл жизни в творчестве, в строительстве, в беспощадном выдавливании раба из всех своих инстинктов».

Мы позволяем себе думать, что «новая человеческая порода» вызвала бы у Чехова гораздо более суровые слова, чем те, которые содержатся в его письме к Лейкину.